

—

Сяо Ху, увидев, что дети вернулись, обрадовался, что отнесенные ими вещи не вернулись нетронутыми. Он поспешил спросить, что сказала семья Фан.

Ци Бэйнань сказал: «Мне кажется, бабушка Сунь немного ослабила свою защиту и отправила нам взамен эти вещи. Если мы будем чаще общаться, проблем быть не должно».

За несколько дней общения Ци Бэйнань понял, что его тесть был человеком слишком простодушным, что было обычным делом для грубого деревенского жителя. Судя по всему, раньше семья Сяо и семья Фан были близки во многом благодаря стараниям госпожи Сунь. Сяо Ху был неловок в человеческих отношениях, и после смерти госпожи Сунь их общение с семьей Фан, естественно, стало менее внимательным. А если добавить интриги госпожи Цинь, то отчуждение между семьями было неизбежно.

Ци Бэйнань мог лишь осторожно намекать. Он сказал Сяо Ху: «Хотя семья Фан снова стала к нам теплее, мы должны выяснить, почему они отделились раньше, чтобы избежать повторения. Дядя Сяо, я прав?»

Сяо Ху ответил: «Я тоже хочу знать. Я планирую пригласить семью Фан к нам на ужин и поговорить».

Ци Бэйнань, услышав о таком намерении Сяо Ху, понял, что его поездки в дом Фан были не напрасны. Он сказал: «Это хорошо, но, судя по словам бабушки Сунь, раньше она больше общалась с тетей Сунь. Сейчас у нас нет особого повода, и они могут не прийти. К тому же, женщинам или мужу и жене проще говорить по душам. Если вы спросите, дядя Сяо, она, возможно, не расскажет всей правды».

Сяо Ху задумался, согласился и спросил Ци Бэйнаня: «Что же делать?»

Ци Бэйнань не мог упустить возможность разоблачить госпожу Цинь, и у него уже был план. Он сказал: «Я пригласил старшего брата Фана прийти ко мне, когда у него будет время. Он кажется прямолинейным человеком и, вероятно, придет. Если вы хотите узнать, почему семья Фан отделилась, дядя Сяо, почему бы вам не приготовить немного вина? Когда старший брат Фан придет, предложите ему выпить. Под вином легче говорить по душам».

Сяо Ху внезапно улыбнулся и воскликнул: «Хорошая идея!» Он все больше убеждался, что Ци Бэйнань был хорошим ребенком: «Ты обо всем позаботился. Как только у меня будет время, я схожу в город за вином».

Ци Бэйнань знал, что Сяо Ху в эти дни занят обработкой земли. Хотя большая часть земли

была сдана в аренду, он оставил немного для посадки риса и овощей. Если зимой не рыхлить почву и не чистить канавы, весной земля будет неплодородной. Хороший урожай требует усердного труда.

Ци Бэйнань предложил Сяо Ху пойти работать в поле вместе, но тот не согласился, попросив его присмотреть за Сяо Юаньбао дома. Видя, что сейчас не разгар сельскохозяйственных работ, Ци Бэйнань не стал спорить.

Он сказал: «Хотя сейчас холодно, дождя не видно. Скоро праздник, в городе должно быть оживленно. Я планирую открыть ларек, чтобы писать письма и парные надписи (чуньянь*) к Новому году. Дядя Сяо, скажите мне, какое вино хорошее, я куплю его по пути».

[*Чуньянь (春联, chūnlián) — это парные надписи с новогодними пожеланиями, которые китайцы вешают на двери во время Китайского Нового года для привлечения счастья и удачи, они пишутся на красной бумаге, создавая праздничную атмосферу.]

Сяо Ху был немного удивлен планом Ци Бэйнаня, но кивнул. Он не был уверен, что кто-то купит чуньянь, написанные таким молодым ребенком, но считал, что главное — это его стремление. Для молодого человека начать зарабатывать на жизнь и пытаться что-то делать — это хорошо.

«Хорошо! Возьми Сяо Бао с собой».

Ци Бэйнань и сам так планировал. Чем больше Сяо Юаньбао будет выходить, тем более открытым и смелым он станет. Крестьянские семьи отличались от знатных. Молодые девушки и геры из знатных семей, сидя в глубоких домах, получали образование от учителей, приглашенных домой, учились читать, писать и расширяли кругозор. А дети из крестьянских семей, которые не выходят из дома, вырастают невежественными.

Оба согласились, и Ци Бэйнань почувствовал облегчение. Он хотел позвать Сяо Юаньбао и спросить, хочет ли он поехать в город, но не увидел маленького парня.

В этот момент Сяо Юаньбао стоял перед бамбуковым столиком, примерно его роста. Он смотрел на пять серых запеченных бататов и ломал голову, как их разделить. Пять бататов: один большой и четыре маленьких. Два для папы, два для брата, и один для себя! Он держал самый большой батат, размышляя, кому его отдать: папе или брату?

Папа тяжело работает на полях и часто ходит в горы, где нет ничего вкусного. Его очень жаль! Сяо Юаньбао решительно положил батат на сторону Сяо Ху.

Но потом он подумал: брат только приехал и, возможно, никогда не ел запеченный батат. К брату нужно быть добрее! И он переложил батат на сторону Ци Бэйнаня.

Но папа, как и Сяо Бао, очень любит батат! И брат тоже не говорил, что не любит.

Сяо Юаньбао долго думал, перекидывая батат туда-сюда, но не мог принять справедливое решение.

Наконец, он принял решение... он очистил самый большой батат и со скорбным видом съел его сам.

На следующий день Ци Бэйнань встал рано. Он собирался открыть ларек и должен был прибыть в город пораньше, иначе поздно вечером, когда люди разойдутся, дело пойдет плохо.

Он открыл сундук и достал кисти, тушь и тушечницу. Он решил купить красную бумагу для парных надписей в городе, поскольку он боялся, что бумага промокнет по дороге.

Когда он закончил, только рассвело. Он собирался разбудить Сяо Юаньбао. Прошлой ночью он поставил две угольные печки в комнату Сяо Юаньбао, что разогнало большую часть холода. Хоть глинобитный дом не мог полностью прогреться от двух печек, но ребенку было намного теплее спать. Он боялся, что в теплой постели ребенок заленится и не встанет.

Но как только он открыл дверь, он увидел укутанного маленького ребёнка, стоящего у порога и смотрящего на свои носочки. Он не знал, как долго тот там стоял.

Увидев его, ребенок тут же поднял маленькое личико и с улыбкой посмотрел на него.

«Почему ты так рано встал? И уже оделся?»

Ци Бэйнань присел и увидел, что малыш даже надел шапочку для поездки в город.

Сяо Юаньбао застенчиво сжал губы и взял Ци Бэйнаня за руку.

Вчера брат сказал, что они поедут в город, и он думал об этом всю ночь, не мог заснуть, долго ворочался, и с трудом уснул. Он боялся, что проспит, и Ци Бэйнань уйдет без него, поэтому проснулся рано.

Накануне вечером они с братом и папой распарили ноги докрасна. В комнате стояла печка, и, когда он открыл глаза, в одеяле было очень тепло. Но он не посмел валяться, тут же вскочил, оделся.

Ци Бэйнань знал, что тот ждал поездки в город, и повел его умываться и полоскать рот.

Когда они прибыли в уездный город, утренний рынок только открылся и был очень

оживленным.

Ци Бэйнань нашел бакалейную лавку, арендовал старый длинный стол и три простые круглые табуретки, рано заняв место на оживленной улице.

Затем он пошел в книжную лавку и купил три пачки красной бумаги разного качества, а также пачку писчей бумаги и конвертов. Кроме того, он увидел, что в лавке продают золотую тушь, и купил полкуска.

Золотая тушь была дорогой, отличалась от обычной черной, и цвет ее был похож на золото. В праздничные дни люди любили радость и богатство, и некоторые торговцы покупали парные надписи и иероглифы фу (счастье), написанные золотой тушью.

Подготовившись, Ци Бэйнань разложил свой ларек.

Сяо Юаньбао никогда не видел, как продают парные надписи с ларька. Он хотел помочь, но не знал, что делать, и просто стоял у ножки стола, наблюдая.

«Скажи-ка, друг, сколько тебе лет?»

Ци Бэйнань расстелил на столе две грубые бумаги, чтобы тушь не испачкала арендованный стол. Едва он прижал их прессом для бумаги, как услышал голос рядом.

Оказалось, рядом тоже расположился сюцай, продающий парные надписи, с небольшой бородкой и в конфуцианской шапочке, которую обычно носят ученые.

Его лицо было в морщинах, и ему было около сорока с лишним лет. Чтобы выглядеть более солидно, конфуцианская шапочка была черной.

Ци Бэйнань заметил в глазах старика насмешку. Вероятно, он считал, что ребенок такого возраста, пришедший продавать чуньянь, выглядит смешно.

Видя преклонный возраст собеседника, он все же поклонился, как подобает ученому, и ответил: «Мне десять лет».

Старик дернул бровью. Возможно, он видел, что Ци Бэйнань молод, но не ожидал, что тот настолько молод.

Он спросил: «Десять лет? Скольким иероглифам тебя научил учитель? Сколько ты умеешь писать?»

В его словах чувствовалось пренебрежение.

Ци Бэйнань не рассердился: «Я не талантлив, но усвоил почти все, чему меня учил учитель».

Старик усмехнулся: какой же дерзкий ребенок.

Он сказал: «Ты знаешь, что парные надписи нельзя просто скопировать, написав что-то вроде 'Богатый урожай пяти злаков' или 'Процветание шести видов домашнего скота'? Люди покупают почерк. Нельзя выходить на улицу и пытаться продать товар, научившись писать лишь пару иероглифов! Чтобы иметь совесть выставлять себя на всеобщее обозрение, нужно не менее десяти лет упорного труда».

В этот момент люди, слонявшиеся по рынку, или те, кто пил мясной суп и ел лапшу, услышали шум и стали собираться.

Этот старик, должно быть, хотел использовать наставление Ци Бэйнаня как способ привлечь внимание. Высмеяв Ци Бэйнаня, он рассчитывал, что люди, пришедшие посмотреть, заодно купят и его парные надписи.

Хотя в городе было много людей, было также много лавок и ларьков. Без небольшого шума ларьки часто оставались незамеченными.

Любям нравится смотреть на шум. Как только они видят толпу, им все равно, чем они заняты, они подходят посмотреть.

Торговец был доволен. Старик посмотрел на Ци Бэйнаня и сказал: «Позови своего учителя. Может быть, тогда у тебя будут клиенты. Зачем тебе, маленькому ребенку, стоять здесь и мерзнуть целый день? Если тебе стыдно, и тебе очень нужна работа, я, видя в тебе ученого, могу устроить тебя в книжную лавку переписывать книги».

Сказав это, он оглянулся на зевак, ища поддержки: «Но это будет зависеть от твоего почерка. Народ, я прав?»

Старик, должно быть, продавал парные надписи здесь уже давно, и у него были знакомые. Были слышны голоса поддержки.

«Господин Чэнь прав».

Сяо Юаньбао, увидев эту сцену, испугался и спрятался за Ци Бэйнанем.

Ци Бэйнань не хотел обращать внимания на этого человека, который кичился своим возрастом, и не хотел его унижать, но тот, ради привлечения клиентов, напугал ребенка.

Он спокойно сказал: «Спасибо, господин, за наставление».

Сказав это, он взял Сяо Юаньбао, усадил его на табуретку рядом с собой, а затем сел сам.

Зеваки, увидев, что Ци Бэйнань растирает тушь, поняли, что он собирается писать. Они подошли ближе, чтобы посмотреть, насколько он искусен.

Старик, увидев это, засмеялся: «Ого, он взялся за дело».

Кисть впитала тушь. Тонкие пальцы Ци Бэйнаня двигались ловко, и иероглифы ложились на бумагу, словно плывущие облака.

Через мгновение были написаны строки: «Цветы сливы и бамбук символизируют мир и приход весны; пусть мирт и лилейник принесут процветание и долголетие», и, добавив еще одну каплю туши, — горизонтальная надпись «Пусть все идет гладко».

Все замерли. Неграмотные смотрели с любопытством, а грамотные воскликнули: «Хорошо!»

Старик, услышав возгласы, вытянул шею. Увидев иероглифы на бумаге, он понял, что они достойны похвалы не просто как аккуратный почерк ребенка. В них чувствовалась сильная, энергичная каллиграфия. Честно говоря, она не уступала его каллиграфии, старого ученого, который писал десятки лет.

Если бы не глубокие семейные корни, как ребенок такого возраста мог достичь такого мастерства? Старик Чэнь видел, что дети одеты просто, словно из бедной семьи, и не мог подумать, что они потомки ученой семьи.

Он хотел схватить легкодоступную добычу и раздавить ее, но наткнулся на горячий камень.

«Господин Чэнь, как вам почерк этого юноши? Хороший или плохой? Нужно ли звать его учителя?» — шутники из толпы начали поддразнивать старика.

Старик Чэнь изо всех сил пытался найти оправдание, но увидел, что Ци Бэйнань использует низкокачественную кисть из свиной щетины, а бумага — обычная красная бумага из книжной лавки, по тридцать взней за десять листов. Он не мог сказать, что ребенок написал хорошо из-за хорошей кисти или бумаги.

Все-таки он был ученым, и, оказавшись в центре внимания, он почувствовал смущение. Он не ответил шутникам, лишь фыркнул, собрал свои вещи в коробку и, взмахнув рукавом, ушел.

Ци Бэйнань тайно покачал головой. Его каллиграфия в прошлом в столице стоила больших денег. Сегодня он уже сдерживал свой талант, стараясь писать как можно более «по-

юношески». Этот старик был не так искусен, как он сам, но пытался поучать его.

Он скромно улыбнулся собравшимся зевакам: «Я могу писать чуньянь и письма. Если вам нужно, господа, дамы, юноши, девушки, милости прошу».

«Сколько стоит пара чуньяней? Я возьму одну!»

Ци Бэйнань ответил: «Десять вэней за пару на бумаге низкого качества, двенадцать за среднее качество, пятнадцать за высшее».

«Тогда я тоже возьму пару!»

—

<http://bllate.org/book/14487/1282050>